

Азбука
PREMIUM

К Н И Г И
КЕНА КИЗИ
в серии
«Азбука Premium»:

ПОРОЮ БЛАЖЬ ВЕЛИКАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД

Кен Кизи

и Кен Баббс

Последний заезд

Настоящий вестерн

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 38

Ken Kesey with Ken Babbs
LAST GO ROUND
Copyright © Ken Kesey, 1994
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Sterling Lord
Literistic and The Van Lear Agency LLC.

Перевод с английского Виктора Гольшева

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Кизи К., Баббс К.

К 38 Последний заезд : Настоящий вестерн / Кен Кизи, Кен Баббс ; пер. с англ. В. Гольшева. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 336 с. : ил. — (Азбука Premium).

ISBN 978-5-389-16034-7

Последний роман Кена Кизи, психоделического гуру и автора одной из знаковых книг XX века, «Над кукушкиным гнездом»! В переводе выдающегося мастера Виктора Гольшева, которому мы и обязаны «Кукушкой»!

Это захватывающее произведение основано на реальных событиях 1911 года, когда в орегонском городке Пендлтон проходил Первый чемпионат мира по родео, ставший с тех пор ежегодным. Итак: «Три бессмертных всадника маячат на северо-западном горизонте — далекие, туманные, освещенные сзади столькими былями и небылицами, что их тени кажутся более вещественными, чем их силуэты». Но лишь одному из них достанется инкрустированное серебром призовое седло, лишь одному — любовь королевы родео, лишь одному суждено войти в историю.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

© В. П. Гольшев, перевод, 2010
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-16034-7

Посвящения и отказ от ответственности

Три бессмертных всадника маячат на северо-западном горизонте — далекие, туманные, освещенные сзади столькими былями и небылицами, что их тени кажутся более вещественными, чем их силуэты.

Почти век пыльных лет и дымных осеней пролегал между нами. Газетные сообщения о тех первых состязаниях (15, 16, 17 сентября 1911 года) читаются как скособоченная помесь Джимми-Грека и Говарда Коселла¹ — они больше заняты цветом кожи, чем достижениями. Один из редких снимков всего трио даже раскрашен вручную, чтобы потомки лучше уяснили суть: на лицо одного наездника наложен медный индейский колер, лицо другого бело-розовое, третьего — цвета густой патоки.

В итоге мы рассудили, что лучше всего вызвать этих духов, не роясь в заплесневелых архивах, а рассматривая тени, которые пролегли через десятилетия. Какому мастерству наездников были свидетелями эти три дня, если так длинны эти тени! Какой ковбойской удали! Вот почему мы решили материализовать наших трех призрачных всадников из легенд,

¹ *Джимми-Грек* (Джимми Снайдер, Диметриос Синодинос, 1919–1996) и *Говард Коселл* (Говард Уильям Коэн, 1913–1995) — спортивные комментаторы. (Здесь и далее прим. перев.)

рассказываемых за горячим кофе у костра, а не из холодных фактов и непропеченных истин, хранящихся в библиотечных кипах.

Впервые я услышал историю от отца, когда мне было четырнадцать лет. Я ехал позади с младшим братом в нашем большом «додже ред-раме». Старый глуховатый фермер Райли, друг отца, ехал с ним рядом. Все четыре наши лицензии на отстрел антилоп были вытянуты на Специальной охотничьей лотерее, и мы направлялись в горы Очоко. Мы и не знали, что это неделя родео, пока не очутились вдруг в сплошном потоке машин среди холмистого безлюдья.

— Не может быть! — крикнул папа. — Пендлтонский сгон. Райли, ищи объезд, иначе угодим к лонгхорнам вместо антилоп.

— Не люблю лонгхорнов! — крикнул в ответ Райли.

К тому времени, когда мы выбрались из затора, солнце уже наладилось на боковую, и Райли тоже был не прочь. Папа нашел подходящую колею, и мы разбили лагерь под крутой скалой над городом. В холодной сумке лежала мамина курица, но папа был в настроении стряпать. Мы с братом развели костер из полыни и кедровых сучьев, а он открыл и вывалил в большой железный котелок несколько банок консервов — венские сосиски, свинину с фасолью и сардины — его фирменное блюдо на природе.

— Сардинки, сосиски, бобы, — объявил он. — Небось, проголодались, быка готовы съесть?

— Да-а... быка. Говядинки бы сейчас неплохо, — заметил Райли.

Он смотрел поверх неаппетитного варева на городские огни внизу. Чертовы колеса взбаламучива-

ли ночь. Танцы на улицах. Жаровни с мясом пыхали жирным пламенем.

— От говядинки не отказался бы, — сказал он.

Мы с братом согласно кивнули. В надежде рассеять тоскливое затишье, повисшее над нашей стоянкой, папа стал вспоминать прошлые родео в Пендлтоне.

— Неотесанным, буйным и блохастым становится в эти дни город. Вот что вам скажу: в будущую осень привезем сюда наших дам и посмотрим все — от утреннего парада в пятницу до церемонии награждения вечером воскресенья. Как?

Мы посмотрели на праздничные огни внизу, и обещание нас не утешило.

— Райли! Ты ведь слышал о первом, а? О первомestone?

— Много раз.

— Ребята не слышали. Расскажи им.

— Шам рашшкажи. Говядинки у наш нет, я жубы вынул.

И отец рассказал — под треск сучьев, бульканье фасоли и беззубые подтверждения старого Райли. Увлекательную историю. Он рассказал ее еще раз через два сентября, когда исполнил свое обещание и взял нас всех, с дамами, на родео. Чудесная история. Я и не подумал бы поверить, если бы через несколько лет сам не поехал туда и не услышал ее в вигваме, полном индейцев.

Я учился на третьем курсе Орегонского университета по специальности «радио- и тележурналистика». Посреди семестра мы получили задание написать план документального сценария о городе, который считаем очень особенным. Сдать в понедельник.

Я не пошел на занятия в пятницу и отправился в Пендлтон на своем «нэше-амбассадоре» — в нем спинки откидывались, образуя бугристую кровать. Я надел черный берет и взял бурдючок с вином, чтобы люди видели, что я художник, а не турист.

После субботнего представления я сидел за деревянным столом в парке, наскоро записывая впечатления и прыская в рот кьянти, и вдруг заметил, что рядом остановился и мрачно смотрит на меня худой индеец. Он был в обычном костюме для родео: джинсы, сапоги, шляпа с загнутыми полями и рубашка с перламутровыми пуговицами. Все уставное, кроме перчаток. На левой руке — потертая рабочая кожаная, на правой — свежая черная лайковая. Я протянул ему бурдючок.

— Вино. Хотите попробовать?

Индеец кивнул. Он взял бурдючок потертой рабочей перчаткой, зубами вынул затычку, оставив ее висеть. Потом стал выдавливать вино себе в лицо и занимался этим, пока не промочил насквозь воротник, а бурдючок не стал плеваться воздухом.

— Пустой.

Он взял затычку в зубы, заткнул бурдюк и вернул мне. Все это время рука в черной перчатке висела вдоль тела.

— Пора наполнить, — решил я.

Он пошел за мной через парк к машине и держал бурдючок, пока я переливал в него вино из четырехлитровой бутылки. Он заметил спальный мешок на сиденьях.

— Возьми свои мешки, можешь спать у нас в палатке. Я понесу бутылку. Меня зовут Дэвид Крепко Спящий. Зови меня Дейвом.

Так я впервые попал в вигвам. Впервые отведал горячего жареного хлеба с медом, впервые соприкоснулся с холодным, насмешливым индейским юмором.

Когда мой хозяин стащил с себя мокрую рубашку, я увидел, что правой руки у него нет. К плечу была пристегнута деревянная конечность в грубой сосновой коре. Ошкурены и выструганы были только кисть и запястье. Он увидел, что я уставился на грубый протез.

— Я уснул на железнодорожных путях в Уолла-Уолла. Очнулся — правой руки нет. Повезло, однако. Я левша.

Я мог представить себе другие варианты везения, но не решился о них говорить. Спросил только, почему он не снял остальную кору. Дейв поднял деревянную руку другой рукой и любовно посмотрел на нее.

— Сук не сохнет и не трескается.

Позже ночью, когда лагерь затих и кьянти кончилось, Дейв угостил меня рассказом своего деда о том знаменитом первом родео и трех его легендарных финалистах. Дедова версия была очень похожа на версию моего отца. И даже прозвучала величественнее в мерцающем свете вигвама. Чудеснее... Сильнее!

Поэтому наши благодарности и посвящения мы начинаем с Дэвида Крепко Спящего. Он ввел меня в свой волшебный круг и поделился его дивами. А мне оставалось поделиться только вином.

Затем я хочу поблагодарить Леса Хейгена, мир его грешному праху, и его родных. Лес доказал, что хороший игрок в покер никогда не сопьется до того, чтобы перестать выигрывать.

И семью Роя, который лелеял лилию культуры в краю дурнишника.

И Маккормаков с их земной мудростью. «Шут возьми, ты во что-то вступил. Но это просто трава, которая прошла через корову».

И Билла Сивира, и Марти Вуда, и Кендалла Эрли.

И Мишелл Макмайндс, и Дейва Уэбба, и Дуга Минторна.

И бар «Рейнбоу» и «Киммиётиз».

И конечно, моего старого друга и трейл-босса¹ Кена Баббса.

И наконец, город Пендлтон. Если мы исказили факты в нашей повести, то искренне раскаиваемся и оправдываемся тем, что:

Короткая история-огрызок тут не годится.

Кен Кизи

*

С Майком Хейгеном и Кеном Кизи я познакомился в 1958 году в Пало-Альто и Стэнфорде. Они без конца трубили о великолепии Пендлтонского родео. Сам я причастился его только в 1972-м. Наша компания облачилась в джинсы, сапоги, рубашки с перламутровыми пуговицами и стетсоны и поехала вверх по ущелью Колумбии, чтобы влиться в толпы, заполонившие обтянутые веревками улицы Пендлтона.

Мы пробились сквозь толпу к окраине города, где обитало семейство Хейген. Мы оставили свои сумки и свернутые постели в бараке для работников и отправились на кухню, где отец Майка Лес Хейген командовал круглосуточным покером, а его жена Джа-

¹ Трейл-босс руководит перегонем скота, он отыскивает наилучшие водопои, пастбища, места для ночлега. В его подчинении бригада ковбоев. Кен Баббс отвечал за инженерную часть в автобусе «Веселых проказников» Кена Кизи.

нет командовала у массивной шестиконфорочной газовой плиты с двумя духовками.

Лес отобрал у нас все деньги, чтобы пополнять на них шкаф с бутылками. Джанет кормила пельменями с соусом и пила горячим кофе, чтобы поддерживать в нас энергию. Энергии требовалось много. В полдень мы направлялись к арене. К великолепному скопищу ковбоев, индейцев, быков-яйцедробителей и мустангов-спиноломов. В конце концов, один из распорядителей спросил, есть ли у нас какие-нибудь дела в коридорах¹. Мы признались, что нет. «Тогда не путайтесь под ногами. Если интересуетесь местным колоритом, ступайте в салун „Пусть брыкается“».

Зал под трибунами был набит битком — плечо к плечу, живот к задку. Местного колорита больше, чем я мог переварить. В поисках воздуха я обследовал соседние помещения. Их стены были увешаны фотографиями родео, начиная с первого, 1911 года, до наших дней. Чудесная история запечатлелась в этих исчезнувших лицах — как фургонные колеи в полярной степи.

Пока мы работали над этой книгой, история в наглядном виде продолжала к нам поступать. От Полли Хелм, уроженки Пендлтона, мы получили пачку открыток. Эти картинки иллюстрировали роль женщин в прежних родео. Полли называет свою коллекцию «Она мой герой» и великодушно позволила нам использовать любые фотографии. Джини Мёрфи, подбиравшая для нас иллюстративный материал, связалась с Уэйном Лоу и Маттом Джонсоном в Пендлтоне — у обоих были большие коллекции фотографий

¹ Огороженные, иногда сужающиеся проходы, по которым животных перегоняют на арену.

КЕН КИЗИ, КЕН БАББС

родео. Последняя партия пришла из собрания Мурхауса в библиотеке Орегонского университета — опять-таки заботами Джини Мёрфи.

С глубокой благодарностью ко всем этим людям за их вклад и с неоценимой помощью Главного объездчика слов Дэвида Станфорда¹ я принялся отбирать из сотен фотографий те, которые потом вошли в эту книгу. Я также в долгу перед Чарльзом Фёрлонгом за информацию, использованную в подписях к фотографиям, которую я свободно черпал в его книге 1917 года «Пусть брыкается».

Кен Баббс

¹ Дэвид Станфорд был одним из «Веселых проказников». Впоследствии он редактировал «Немного дхармы» Керуака и «Тюремный дневник» Кизи.

Глава первая ОШАЛЕВ ОТ ВОЗМУЩЕНИЯ И ВИСКИ

Началось с твоей фотографии на первой странице спортивного раздела «Орегониан». Я наткнулся на нее в воскресенье в читальне Портлендской публичной библиотеки. Тебя одели так, чтобы был похож на него, и репортеры всё старались проводить между вами сравнения... Тут я и начал копаться в былом. Но с тревогой почувствовал, что когда-то яркие мои воспоминания потускнели. Я почти не мог в них разобраться. И подумал: сорваться, что ли, купить билет на автобус и самому заняться сравнениями? Давай, старик, сказал я себе — Пендлтонское родео, первый раз за два десятка лет. Пусть брыкается!

Вот почему я очутился в этом проклятом салуне «Пусть брыкается». Он всегда был мне не по вкусу, даже когда я участвовал в состязаниях. Мне не нравилась публика, особенно шумная публика, но это было единственное место, где я наверняка мог найти фото, чтобы сравнить его с картинкой из «Орегониан». Это редкий его снимок без шляпы, сделанный в ту минуту, когда он получал призовое седло Первого мирового чемпионата, который он якобы выиграл. Оригинал хранится в витрине вместе с тем самым мустангом, на котором он якобы сидел в том знаменитом последнем заезде. Когда конь сдох, горожане отвезли его к таксидермисту и сделали чучело.

Тогда-то я и с индейцами связался.

Я собирался посетить «Пусть брыкается» позже, а сначала посмотреть сегодняшние соревнования — но все билеты были распроданы. Кассирша с нескрываемой гордостью сообщила: «Мы набиты под завязку. В этом году „Мир спорта“ ведет прямую трансляцию». И закрыла у меня перед носом окошко. Это после того, как я два часа простоял в очереди под палящим солнцем, а в животе ничего, кроме вчерашней тушеной грудинки с пюре, и пересохшее горло нечем смочить, кроме стаканчика струганого льда с розовым сиропом. Так что все указывало на салун «Пусть брыкается» тут же под трибунами.

Зал был набит плотнее брикета с сеном — плечо к плечу, живот к животу, от стены до стены. Все хлестало и кричало во всю глотку. Полные стаканы ездил по стойке, обратно ездил пустые и доллары. И никакого льда, хотя жарко, как в бане. Единственным, что мешало помещению взорваться как перегретому котлу, был очкастый помощник шерифа, расположившийся на помосте у конца стойки. Его глаза походили на пару латунных манометров. Слава богу, мой рост позволял мне немножко возвышаться над этим. Над колышущимся морем ковбойских шляп я видел седло и чучело лошади. И взял курс на них.

В море шляп виднелся небольшой островок возле стойки. Протиснувшись поближе, я увидел, что это кучка индейцев, человек пять-шесть, с непокрытыми головами. Все в одинаковых футболках и все одинаково мрачные. На футболках от плеча до плеча было напечатано слово «ВЫЖИВЕМ». Они не пили, и я заключил, что этим и объясняется мрачность. Я знаю, каково это. Я крикнул в их печальный кружок, что буду признателен, если они позволят ветерану угос-

тить их в память о былых временах. Они подняли ко мне головы, и мрачность сменилась любопытством при виде этого ископаемого. Но раньше, чем они успели ответить, ударил колокол.

— Подумать только, — удивился я. — Они до сих пор звонят в этот старый колокол, когда очередная деваха стягивает лифчик. Ура традиции.

Две девицы-болельщицы, одетые ковбоями, взобрались на стойку. Та, что повыше, соловая блондинка, с пьяной решимостью трясет веревку колокола. Она спиной к нам, но по тому, как вылезли из джинсов полы рубашки, понятно, что рубашка растегнута. Наконец бармену удастся отнять у нее веревку.

— Хорош, красавица. Тебя заметили — приступай.

Галдеж стихает — все смотрят, как она стаскивает с себя рубашку. Потом заводит руки за спину, растягивает бюстгальтер и отдает бармену. Он накидывает его на бельевую веревку, рядом с сотнями других.

— Какой размер? — спрашивает он, подойдя к чепухе кипам сложенных футболок.

Она выгибает спину и хвастает:

— Экс-эль.

— Я бы сказал, средний, и то еле-еле, — высказывается он без галантности и вручает ей футболку с надписью.

Она делает пируэт, подняв над головой свой приз с шелкографией: ПУСТЬ МОИ ВИСЯТ НА ВОЛЕ В «ПУСТЬ БРЫКАЕТСЯ»!

Народ оглядывает ее и соглашается с барменом: «Сре-е-едний!» — и снова принимается пить и орать. Я удивляюсь: куда подевалось ковбойское рыцарство? — и тут кто-то тычет меня в бок. Это индеец протягивает мне полный стакан бурбона с водой.

И в краснокожем кружке все, по-прежнему без шляп, тоже держат стаканы. А некоторые ловкачи — по два. Я поднял стакан в знак благодарности и подумал: а с другой стороны, не странно ли, что выживание и рыцарство так часто являются вместе? Рука об руку, щека к щеке, пузо к пузу?

Я оставил индейцев, и, пока протискивался сквозь толпу к витрине, колокол зазвонил в честь пухлой маленькой подружки блондинки. Запыхавшись от усилий, я наклоняюсь к витрине. Ветхая лошадь — наглядное объяснение того, почему таксидермия вышла из моды. Седло растрескалось от сухости и покоробилось. Я озираюсь в поисках фотографии и вижу в стекле призрачное отражение лица, такого же растрескавшегося и покоробленного от времени, как старое седло и лошадиное чучело.

Колокол перестал звонить, и я слышу, что у стойки начинается какой-то скандал насчет несовершеннолетних девиц и неоплаченной выпивки, но не придаю ему значения. Отдуваюсь в духоте, гляжу на отражение и с трудом могу поверить, что этот костлявый незнакомец — я. Все из-за новых электрических бритв. Тебе не нужно стоять перед зеркалом. Можно косить усы, читая утреннюю газету за кружкой кофе, и не замечать, как сохнет и щербится старая морда. Я продолжаю глазеть, и вдруг рука в перчатке выдергивает меня из забвения.

— И вы, дедушка. Я вывожу вас отсюда, вместе с малолетними и несостоятельными.

Это помощник шерифа и пара помощников помощника. Они продвигают к боковой двери двух девиц и полудюжину индейцев. Он собирается присоединить меня к их стаду.

— Минуточку, черт возьми, — запротестовал я. — У меня есть деньги, и лет мне достаточно.

— Достаточно, чтобы затоптали. И если есть деньги, почему не заплатили за виски. Посмотрите на себя — дышите, как ящерица. Сидели бы лучше в тенике на трибуне с остальными туристами.

— С туристами? — возмутился я. — Ты назвал меня туристом? — Я не стал объяснять, что выпивкой меня угостили, а места на трибунах распроданы. — Я часть истории вашего чертова города! Коекто в Пендлтоне еще знает имя Джонатана Спейна.

— Очень может быть, дедуля, но я не из них. Приканчивай свою халяву и шагай отсюда. Если кого из вас еще здесь увижу, точно попадете в историю.

Потом я очутился на улице и брел под палящим солнцем, обалдев от виски и возмущения. Наверное, вид у меня был нехороший, потому что мои изгнанные соотечественники хотели доставить меня куда-нибудь в сохранности. Девушки хотели отвезти в больницу. Индейцы — накормить у себя в лагере, где стояли их вигвамы. Я предпочел индейцев. Сказал девушкам, что тронут их заботой, но в пендлтонской больнице достаточно пожил в тот год, когда запутавшееся лассо вырвало мне руку, и побывать там еще раз я не намерен, спасибо. Посмотрите лучше, как со всеми нами обошлись. Это будет вам уроком.

Мой индейский эскорт состоит, оказывается, из представителей разных племен со всей страны. Они познакомились в тюрьме Дакоты после большой протестной сходки. И с тех пор собираются каждую осень. На животах их красных футболок со словом «ВЫЖИВЕМ» были напечатаны их клички. Тот, который подал мне дармовой бурбон, зовется Чинёным Коленом. Самый светлокожий — дядя Томагавк. Самый

темный — Номер Девять, по песне Роджера Миллера¹. Номер Девять местный, как и малолетние девицы.

Они ведут меня через парк на свою стоянку. Девушки суетятся, в пьяном беспокойстве о моем здоровье. Соловая блондинка даже предлагает мне свой билет, если я позволю отвезти себя к врачу. «Мой отец забронировал лучшие места на трибуне». Номер Девять готов спорить, что у Выживающих лучше. Говорит, что у них отдельная кабина с многоканальным телевидением. Девушки говорят, что должны это увидеть, и мы идем через ворота, мимо зигзагом расставленных вигвамов, к наблюдательному пункту, туда, где сетчатая ограда отгораживает индейскую стоянку от дороги, подводящей к коридорам. Более жаркого и пыльного места они найти не могли.

У них действительно много экранов, хотя не совсем кабина. Вплотную к ограде стоит большой телевизионный трейлер «Мира спорта», и его задняя дверь полностью открыта ради ветерка с реки. Выживающие натырили основательную пирамиду сена и протянули к ее макушке черный пластик. Получилась тенистая пещерка, и мы можем видеть сквозь сетку всю работу телевизионщиков. Девушки соглашаются, что место удачное. Пухленькая достает из сумки поллитровку текилы, Чинёное Колено вытаскивает из сена арахис и лимоны, и мы рассаживаемся поудобнее. Люди в трейлере обращают на нас внимания не больше, чем если бы мы были курами на насесте.

На мониторах мы видим происходящее на арене с разных точек и слышим голос диктора. По телеви-

¹ Песня 1965 г. называется «Паровоз, паровоз номер девять» («Engine, Engine No. 9»).

дению он доносится до нас на добрых полторы секунды раньше, чем по воздуху из громкоговорителей. «Женские скачки, друзья... и похоже, миленькая...» — и тут же эхом с арены: «ЖЕНСКИЕ СКАЧКИ, ДРУЗЬЯ... ПОХОЖЕ, МИЛЕНЬКАЯ ПТИЧКА В ГОЛУБОЙ ШЛЯПЕ УЛЕТАЕТ С ГОЛУБОЙ ЛЕНТОЙ».

— Да, но не очень высоко в плане рейтинга, — слышится из трейлера. — Скучно, не увлекательно. — Это говорит женщина с острым подбородком. Она сидит во вращающемся кресле.

— Традиция, — говорит помощник, вьющийся у нее за спиной; у него мешки под глазами и мешковатый велюровый свитер. — Женские скачки у них с самого первого родео.

— Традиционное это еще не телевизионное, — сообщает она ему. — У нас нет ничего поживее?

Он смотрит в блокнот.

— Следующий номер — езда на быке. Самый забойный. И смотрите-ка. Первым — наш удалец из Уоттса.

— Этот нахальный коротыш с пресс-конференции?

— Он самый. В роскошной красной шляпе. Возьмем его ручной камерой.

— Лучше нахальный, чем скучный. Давай. — Она поворачивается к микрофону. — Феликс? Держи мне черного наездника.

Это заставляет меня присмотреться внимательнее. Может быть, все-таки придется сравнивать лица.

— Возьми ручной, Феликс. Мне нужен крупно молодец из Уоттса. Он будет выходить из коридора номер...

Диктор подсказывает ей:

— А теперь в коридоре номер два на бычке Колыбельный братьев Кристенсен лошадка совсем другой...

э-э... *породы*. Впрочем, друзья, любой завзятый любитель родео знает, о ком я говорю: Дрю Вашингтон. Один из популярнейших молодых ковбоев, прирожденный чемпион, если я что-нибудь в этом смысле. В прошлом году Дрю занял второе место, сегодня, после двух дней, он идет первым с большим отрывом. Единственное, что ему нужно сейчас, — усидеть до конца. Никаких трюков. Если он продержится до колокола, то не только будет первым — он будет первым представителем своей расы, завоевавшим призовое седло, после бессмертного черного ковбоя, победителя первого Пендлтонского родео.

Тут я вскочил как ошпаренный:

— Придержи коней! Джордж Флетчер на нем не победил!

Оператор занял позицию у второго коридора, но между досками мы видим только ступню наездника. На ней потрепанная кроссовка со шпорой, примотанной к резиновой пятке. Изображение колыхнется и подпрыгивает в щели между досками.

— Похоже, Дрю трудновато держаться на старине Колыбельном, даже в кроссовках. Что ты сказал, Тайфун? — Он ведет разговор с клоуном¹ на арене. — Спрашиваешь, почему столько наших ковбоев стали носить кроссовки вместо сапог? Я не знаю ответа. Может, ты мне скажешь, Тай? А, понял: чтобы их не путали с дальнобойщиками.

Публика стонет.

— Хорошо, Тайфун, вот тебе задача. Можешь сказать, у кого Флетчер выиграл призовое седло? Правильно. У Джексона Сандауна, бессмертного Красно-

¹ Одна из функций клоуна на арене — отвлекать животное, если оно сбросило седока.

го Всадника, индейца нез-персэ. Впоследствии Джек-сон Сандаун... Смотрите! Вот он выбежал. Взрывной бык, короткий запал. Держись, ковбой!

Бык вылетел из коридора, шляпа наездника заполняет экран, бешено подпрыгивая. Я прильнул к сетчатой изгороди, но вижу только неясное мелькание этой пурпурной шляпы, сдвинутой набекрень, и под ней — дерзкую улыбку. Но гибок, я вижу. До поры ты был гибок, как дым.

— На третью! — шипит начальница в микрофон. — Третья камера, фокус! Мне надо больше лица! Дай больше лица и фокус!

Камера с другой стороны арены берет наездника крупным планом. Диктор не умолкает.

— Злой бык, крепкий всадник. *Иихоу!* Дрю Вашингтон из Уоттса, леди и джентльмены, козырной туз, прирожденный чемпион! И вот колокол! Он удержался, друзья! Он победил! Впервые за полвека с лишним мы, кажется, получили... надеюсь, вы понимаете, друзья, что я не имею в виду абсолютно ничего оскорбительного, — просто таким именем наградила его история... — И мы слышим дважды, сперва из трейлера, а потом из громкоговорителей на арене: — Второго НИГЕРА ДЖОРДЖА ФЛЕТЧЕРА!

И тут я увидел, как гибкость тебе изменяет, — увидел даже на этих маленьких телеэкранах.

— Абсолютный чемпион этого года, обладатель главного...

Тысячеголосый вздох толпы, и ликование диктора сменяется ужасом.

— Не может быть! Он повис. Повис! Давай же, Дрю. О боже, его прижало, головой назад.

Экраны показывают все в подробностях, с разных точек: как жесткую перчатку захлестнула верев-

ка и прижала поперек тела... как рука в локте согнута под неестественным углом... как бьется голова о широкий бок быка, сильно, раз за разом. Лихая шляпа отлетает, и открылось детское лицо, искаженное болью и страхом. Наш чемпион — всего лишь мальчик, тощий паренек, и болтается, как тряпичная кукла. На выручку бросаются клоуны, потом верховые помощники. Только четверья лассо удастся остановить быка, чтобы высвободить руку из-под веревки. Потом сирена и мигающий свет. Пока медики осматривают повреждения, телевизор показывает замедленные повторы. Диктор сообщает подробности.

— Вот когда это произошло. Наездник — левша и почему-то спешивается слева... и его прижимает к левому боку животного, спиной. Вот! О! О боже! Бык подбрасывает его... и опять!.. Колыбельный, один из самых ярых быков во всем родео... О боже мой...

Самых ярых во всем родео, о боже, о боже мой. Я был рад, что под руками ограда. От сирен, от замедленных повторов у меня помутилось в голове. Надо было старой кляче пить крепкий виски под жарким солнцем и на пустой желудок? Нет, не надо было. Я понимал, что надо сесть и успокоиться, но хотел увидеть. Больше лица, как режиссерша. И когда с воем в пыли выехала «скорая помощь», я, как идиот, побрел за ней вдоль изгороди. Не знаю, чего я хотел — остановить ее, повернуть в другую сторону? Знаю только, что совсем не хотел оказаться через несколько минут в такой же, под завывание сирены. И в итоге — снова в проклятой пендлтонской больнице, на обследовании, вслед за тобой... снова в прошлом, с вереницей мыслей о нем: пар... свисток паровоза, назад по ржавым рельсам памяти.

Глава вторая СЮРПРИЗ

Паровозный этот свисток был давно, чуть ли не, черт его, в другом веке. До всякой Второй мировой и Первой мировой, и подавно до «Мира спорта». Впервые кто-то из нашей семьи пересек линию Мейсона — Диксона¹, а тем более забрался так далеко на север, и я гордился тем, что этот кто-то — я, младший сын, семнадцатилетний, ясноглазый, как младенец, и почти такой же наивный.

Этот новый мир я наблюдал через щель между досками в открытом скотском вагоне. Путешествовал я без роскоши, но устроился с удобствами. Тощий зад мой покоился на свежей соломе, голова — на седле. Я лежал босиком и с удовольствием шевелил грязными пальцами ног в воздухе, насыщенном золой. За многокилометровый путь у меня все перепачкалось золой, кроме сапог. О сапогах была особая забота, их защищали от золы и ветра ящики и брезент. Они сияли, несмотря на зольный ветродуй. На голенищах спереди был вытиснен конфедератский флаг, они сияли от многократных чисток. Время от време-

¹ *Линия Мейсона — Диксона* — граница между Севером и Югом США, в прошлом — между свободными и рабовладельческими штатами.

ни я и здесь их протирал. До Пендлтона оставалась еще ночь езды, и я хотел выступать там в блестящих.

Паровоз снова свистнул, и между досок я увидел, по какому случаю он свистит.

— Антилопы, Стони! Вилорогие антилопы! Посмотри, как бегут!

Рядом со мной стоял мой конь Стоунуолл¹. Он широко расставил ноги из-за качки вагона и смотрел вверх последней доски, заложив назад уши. Стоунуолл был большой серый мерин, шестнадцати ладоней² ростом — в самый раз для такого долговязого всадника, как я. Нрава капризного и подозрительного, но надежный на длинных перегонах — даже по железной дороге. Мы выросли и сдружились в Теннесси.

— Эй вы, попутчики! — крикнул я в переднюю часть вагона. — Видите их? Настоящие антилопы...

В другом конце вагона равнодушно стояли голубой подсвинок и лягливая лошадь. Видная пара, надо сказать. Свинья была вся разукрашена серебряными звездами, а лошадь — ярко-зелеными трилистниками клевера. Тоже ехали на большое представление. Заслуженные артисты.

Впереди загрохотало. Поезд с грохотом мчался по мосту над ущельем. Мне пришлось подтянуться на верхней доске, чтобы увидеть реку внизу. Она была далеко — узкая голубая ленточка в глубокой расщелине. Когда проехали мост, я убрался с ветра и в сотый раз вынул из кармана рубахи афишку.

¹ Конь назван в честь выдающегося генерала южан Томаса Джонатана Джексона (1824–1863) по прозвищу Стоунуолл («Каменная стена»).

² 1,6 м с небольшим.

Экстренный * На Родео *
*** Поездка в современном поезде**
*** Подлинная кухня Фронтيرا¹**
+ Салон-вагоны + Танцы + Азартные игры

Середину афиши занимала карта с маршрутом экстренного: ДЕНВЕР — ПЕНДЛТОН. Я провел по нему пальцем до реки.

— Господа. — Я улыбнулся моим спутникам. — Мы только что пересекли Снейк-ривер. Теперь мы в штате О-ре-гон. Вы рады?

Звездная свинья хрюкнула по-прежнему равнодушно, а клеверная лошадь в ответ лягнула ящик. Я пожал плечами:

— Ну что ж. На всех не угодишь.

Я смотрел на пейзаж, пока не село солнце, потом ушел с холодного ветра, проникавшего сквозь щели. Собрал дощечки разбитого лошадей ящика и на большой сковороде развел костерок. Из сумки с провизией вытащил громадный ямс². Несколько недель назад я заехал на ферму к двоюродной бабке, и она дала мне, кроме стеклянной банки с желтым самогоном, кучу ямса. «Возьми, — велела она. — Вся эта ерунда в твоём мешке кончится, а он останется». Она была права. Кофе, кукурузные булочки, сыр и рыбные консервы ушли быстро, яблоки я доел черт-те сколько километров назад. Денег у меня хватало, и кувшин оставался непочатым, но маршрут наш со Стоунуоллом пролегал в стороне от магазинов и повода выпить не давал. Вот уже несколько дней мы питались

¹ *Фронтир* — западная граница американской территории, осваиваемая поселенцами. С 1700 по 1890 г. она постепенно сдвигалась на запад, почти с Атлантического побережья до Тихоокеанского.

² Так на Юге США называют сладкий картофель — батат.

ямсом — эта картофелина была последней и самой крупной. Я заточил обломок дощечки ножом и насадил на нее картофелину. Стоунуолл наклонился и понюхал.

— Терпение, сэр, — сказал я нюхальщику.

Я знал, что он может съесть свою порцию сырой, но как церемонный южанин заставил его подождать, когда ужин подадут всем.

Я пристроил вертел над огнем, положил голову на седло и посмотрел на звезды. Долог путь от Теннесси. Как я уже сказал, я был младшим из братьев Спейн и младшим в семье, не считая сестренки. Только с ней мы и были близки. К тому времени, когда мне исполнилось десять, а ей восемь, наши братья разъехались, отправились кто куда, бродяги. Но не дальше Нового Орлеана, Галвестона и других таких городов — словом, все на юг. Я говорил сестре, что, когда уйду из дома, придумаю, ей-богу, кое-что получше. Поклялся, что на север поеду и буду странствовать, пока не доберусь до настоящей границы, если такая еще осталась в нашей, почти оседлой уже стране.

— Далекий путь, сестренка, — сказал я, улыбаясь этим северным звездам, гордый, как лягушка, съевшая светляка.

Поезд пыхтел, одолевая крутой подъем. Веки у меня отяжелели, звезды померцали, погасли. Я уже задремывал, как вдруг, ниоткуда, послышался будто бы приближающийся гром. Но между мной и звездами не было ни облачка! Гром все приближался и приближался сзади и сменился пронзительным ржанием. Только я хотел посмотреть в ту сторону, как в звездном небе прямо над моей головой пронеслось большое растрепанное черное тело. Оно с грохотом приземлилось в неосвещенной передней части вагона

и затормозило со стуком, обратив в бегство свинью и лошадь. Я приподнялся на локтях, и в это время сзади снова застучали копыта и надо мной пронеслась вторая тень. Тень со стуком затормозила рядом с первой. Обе развернулись и надвинулись на меня из темноты. Я схватил палку с ямсом и, как штык, выставил навстречу громоздкой паре.

Мое смешное оружие как будто произвело впечатление на всадников. Они спешили и подошли к костру, пристально разглядывая клубень, насаженный на его конец. Один был индеец, худой, прямой, тонкогубый, в шляпе с прямыми полями, и глядел мрачно. Сапоги на нем были индейского типа с мягким верхом, изношенные почти до смерти. Он задумчиво водил по щеке странной монетой. Вторым был черный и так же весел, как первый угрюм. Шляпа на нем была настолько старой и бесформенной, что невозможно было угадать ее первоначальный вид. Я ждал, что они предпримут. Индеец сдвинул шляпу на затылок, и я увидел, что глаза у него дико блестят и в них ни капли страха. Они были — голодные.

— Хороший ямс, — сказал он.

Черный наездник кивнул:

— Несомненно. А не согласится ли наш благородный молодой громобой разыграть его в картишки?

Глава третья

НАСТОЯЩИЙ ДЕСЯТИЦЕНТОВЫЙ ВЕСТЕРН

Не много времени понадобилось, чтобы разглядеть, какая странная пара вклинилась в мою жизнь. Даже самый неопытный глаз узнал бы в них настоящих бывалых молодцов из десятицентовых вестернов¹. Черный был меньше ростом, но возмещал это зубами: они сияли не хуже луны, плясавшей со звездами за его плечом. Себя он представил как мистера Флетчера, но зови меня просто Джорджем, а своего молчаливого товарища — как мистера Джексона Сандауна.

— Можешь звать его Джек-На-Закате или Сонный Джек, все равно как, — индейцы все время меняют имя.

Я прикинул, что мистер Флетчер сантиметров на пятнадцать ниже меня и раза в три старше. Трудно сказать, что выдавало его возраст. Лицо у него было младенчески гладкое, а глаза плясали, как бесенята, у которых вообще нет возраста. У него как будто все плясало — от черт лица до ног в сапогах. Он ни секунды не мог находиться в покое, и казалось, он пляшет под скрипку, а скрипка — его рот.

¹ *Десятицентовые вестерны* — приключенческие романы о Диком Западе со стереотипными персонажами и фабулами, популярные во второй половине XIX века.

Оглавление

Посвящения и отказ от ответственности	5
Глава первая. ОШАЛЕВ ОТ ВОЗМУЩЕНИЯ И ВИСКИ	13
Глава вторая. СЮРПРИЗ	23
Глава третья. НАСТОЯЩИЙ ДЕСЯТИЦЕНТОВЫЙ ВЕСТЕРН	28
Глава четвертая. СПОРИМ НА ТВОИ САПОГИ	49
Глава пятая. В ГОРОДЕ БУМ	60
Глава шестая. ШУТОВСКОЙ ТРОН	76
Глава седьмая. ДЖЕННИ ЛИНН	94
Глава восьмая. САМЫЕ ХИТРЫЕ СИЛКИ	114
Глава девятая. КАК СЛЕДУЕТ ПОМЫТЬСЯ	127
Глава десятая. КОЕ-КАКОЕ ПОСВЯЩЕНИЕ	142
Глава одиннадцатая. ВРЕМЯ ВИГВАМОВ	171
Глава двенадцатая. КОРОНУ ЗА КОНЯ	186
Глава тринадцатая. ОБУВЬ ПОТОМ ПОЧИСТИШЬ ...	195
Глава четырнадцатая. МИНТ-ДЖУЛЕП И ТЕМНАЯ ИНТРИГА	209
Глава пятнадцатая. УПАЛ ИЛИ ПРОПАЛ	220
Глава шестнадцатая. ПРЕКРАСНЫЕ ДЕВЫ, ПОТУСКНЕВШИЕ РЫЦАРИ, ДВОРЦОВЫЕ КРЫСЫ	232
Глава семнадцатая. ОТСОСУТ НЕМНОГО ЯДУ	261
Глава восемнадцатая. ПОРА ПО САРАЯМ	280
Глава девятнадцатая. ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД	291
Глава двадцатая. МОЯ ОЧЕРЕДЬ	308

Литературно-художественное издание

КЕН КИЗИ, КЕН БАББС
ПОСЛЕДНИЙ ЗАЕЗД
Настоящий вестерн

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректор Валентина Гончар
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 31.01.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2500 экз. Усл. печ. л. 17,64. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-AUM-24455-01-R